

Литературное обозрение

«Жизни» и «Русское богатство» — январь.

фантастическими исключеніями) и г. Боборыкинъ, вѣроятно, срисовалъ своихъ героев не съ тѣхъ дѣйствительныхъ дѣятелей, которые, на самомъ дѣлѣ, не шутя, а дѣйствительной шкурой и спиной создаютъ исторію; нѣтъ, онъ срисовалъ своихъ „героевъ“ съ тѣхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ скучающія барыни не знаютъ куда метнуться: то ли флиртъ учинить, то ли судьбами Россіи раскинуть, наввно воображая, что, если только они перестанутъ „дѣлать“, такъ все движеніе общественной мысли остановится. Этимъ скучающимъ господамъ рѣшительно все равно: или севрюжина или конституція, какъ говорилъ Щедринъ: марксизмъ, такъ марксизмъ—подавай сюда марксизмъ, а не то декаденство давай—и это сойдетъ, было бы только по модѣ, по послѣдней книжкѣ. У нихъ все по модѣ: рукава и раструбы на юбкѣ по парижскому рисунку, а мысли... ну, мысли непременно чтобы по послѣдней брошюркѣ были настроены. Для нихъ не важно *что* само по себѣ, для нихъ важно имѣть такой образъ мыслей, который бы соответствовалъ послѣднимъ вѣяніямъ—только и всего, все равно какъ прическа должна быть по послѣднему рисунку. Если г-нъ Боборыкинъ имѣлъ въ виду именно *такой* типъ скучающихъ россиянъ, то надо его поздравить: онъ удачно осмѣялъ моду на новыя мысли, безъ желанія фактической и серьезной работы. Если же онъ серьезно думаетъ, что это *самые* заправдѣ, настоящіе марксисты, то онъ глубоко и горько ошибается: такихъ дѣятелей нѣтъ, это каррикатуры, вродѣ тургеневской Кукшиной и Ситникова.

Да простить намъ читатель, что мы такъ долго останавливались на г. Боборыкинѣ. Заставляетъ говорить не онъ самъ, какъ крупная литературная сила; нѣтъ, говоря откровенно, такой крупной литературной силой въ г. Боборыкинѣ мы не видимъ. Приходится, главнымъ образомъ, говорить по поводу тѣхъ темъ, которыя беретъ г. Боборыкинъ, а темы эти всегда интересны.

И такъ оставимъ г. Боборыкина и обратимся къ Антону Чехову, писателю безспорно огромнаго таланта, который, по совѣсти, намъ далеко симпатичнѣе, чѣмъ г. Боборыкинъ, порхающій съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ трудолюбивая пчелка, собирая тутъ и тамъ капли меда.

Въ январьской книжкѣ „Жизни“ Антонъ Чеховъ печаталъ небольшой сравнительно рассказъ въ „Оврагѣ“. Съ обычнымъ мастерствомъ, онъ далъ намъ нѣсколько интерес-

ныхъ типовъ изъ деревенской жизни. Въ фабричномъ селѣ Уклеевѣ, прославившемся тѣмъ, что тамъ „дьячекъ на похоронахъ всю икру съѣлъ“, живетъ мѣщанинъ Григорій Петровъ Цыбукинъ. На семействѣ этого Цыбукина и сосредоточенъ весь интересъ разсказа. Самъ старикъ держалъ бакалейную лавочку, торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями и даже поставлялъ за границу сорокъ на дамскія шляпки, а его старшій сынъ Анисимъ служилъ въ полиціи, въ сыскомъ отдѣленіи, и рѣдко бывалъ дома. Въ торговлѣ же помогалъ младшій сынъ Степанъ и въ особенности невестка Аксинья. Это была очень бойкая баба. Едва она вышла за глухого (Степана) какъ обнаружила необычайную дѣловитость и уже знала, кому можно отпустить въ долгъ кому нельзя, держала при себѣ ключи, не довѣряя ихъ даже мужу, щелкала на счетахъ, заглядывала лошадямъ въ зубы, какъ мужикъ, и все смѣялась или покрикивала. Самъ старикъ былъ вдовъ, но не вытерпѣлъ и женился, взявъ за себя изъ хорошаго дома дѣвушку Варвару Николаевну. Едва она поселилась въ комнатѣ въ верхнемъ этажѣ, какъ все просвѣтлѣло въ домѣ. Засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, на окнахъ и въ палсадникахъ показались цвѣты. Варвара Николаевна улыбалась пріятно и ласково, и казалось, что въ домѣ все улыбается. И во дворѣ, чего раньше никогда не было, стали заходить нищіе, странники, богомолки, мужики, уволенные съ фабрики за пьянство. Въ томъ, что она подавала милостыню, было что то новое, что то веселое и легкое. Когда въ табельные и престольный праздники сбывали мужикамъ протухлую солонину и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женныя платки, когда въ грязи валялись фабричныя, одурманенныя плохой водкой, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостныя, туманныя дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ. Анисимъ иногда писалъ отцу письма и посылалъ подарки. „Любезные папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ цвѣточнаго чаю для удовлетворенія вашей физической потребности“, при чемъ послѣ подписи „Анисимъ Цыбукинъ“ превосходнымъ почеркомъ стояло: „Агентъ“. Когда однажды возвратился домой Анисимъ, его рѣшили женить и

Литературное обозрение

«...» „Жизнь“ и „Русское богатство“ — январь.

подыскали ему невесту очень молоденькую красивую девушку Липу, из самой беднейшей семьи, ходившей на поденные работы. Свадьба и пирушка описаны превосходно, рельефно, живо. Автор не забывает, конечно, упомянуть, что когда к свадьбѣ портнихи шли обновок, то Цыбукинъ заплатилъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли грустныя и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ, стали плакать. Послѣ свадьбы Анисимъ уѣхалъ, причемъ на прощанье Варвара Николаевна ему говорила: „живемъ мы хорошо, всего у насъ много.—и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: „двѣ тысячи пошлю“. Одно слово, живемъ какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мнѣнinemъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. На что Анисимъ ей отвѣчаетъ: „конечно, никто не станетъ разбирать. Бога, то, вѣдь, все равно нѣтъ, мамаша. Что ужъ тамъ разбирать... Папаша, вѣдь, тоже въ Бога не вѣруетъ. Вы какъ-то сказывали, что у Гантарева барановъ угнали... Я нашелъ: это шинкаловскій мужикъ укралъ; онъ укралъ, а шкурки-то у папаша.. Вотъ вамъ и вѣра!“ Послѣ отъѣзда Анисима вдругъ обнаружилось, что во время свадьбы онъ многимъ надавалъ фальшивыхъ полтинниковъ. Анисима отдали подѣ судѣ, потомъ судили и сослали съ лишеніемъ правъ. Мужики говорили такъ: „рѣшенъ всѣхъ правъ и состоянія“. Старикъ одряхлѣлъ и всѣмъ въ домѣ стала орудовать Аксинья. Липу она страшно возненавидѣла за то, что старикъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ онъ назначилъ Бутекино, то самое Бутекино, гдѣ была земля и жгли кирпичъ, своему внучку Никифору (сыну Липы). Со злости она ошпарила бѣднаго мальчика кипяткомъ и тотъ умеръ, а послѣ того выгнала Липу изъ дому. Эта сцена написана всего въ нѣсколькихъ строчкахъ, но она рассказана съ такимъ ужаснымъ реализмомъ, что производитъ потрясающее впечатлѣніе. Антонъ Чеховъ вообще пишетъ кратко, но необычайно сильно и ярко. Иногда кажется, что авторъ безразличенъ, что у него нѣтъ никакихъ симпатій, что онъ рисуетъ жизнь, какъ фотографъ, совершенно безразлично, будетъ ли это худое или хорошее. Но такой взглядъ, пущенный Н. К. Михайловскимъ, теперь уже никакъ не поддерживается, даже и самимъ Н. К. Дѣло въ

томъ, что симпатіи автора обнаружились совершенно ярко, ну, хотя бы въ рассказѣ: „Человѣкъ въ футлярѣ“ или въ „Чайкѣ“, или въ „Палатѣ № 6-й“. У Чехова просто особый художественный пріемъ, чрезвычайный, на нашъ взглядъ, хорошій пріемъ, который состоитъ въ томъ, что личности автора какъ-будто нѣтъ, что онъ не морализируетъ и не декларируетъ, не прилѣпляетъ къ своимъ героямъ ярлычковъ съ надписью: „вотъ это хорошій человѣкъ, а вотъ это—дурной“. Онъ даетъ намъ типы и говоритъ: „нате, смотрите, какова жизнь, ужасайтесь ея пошлостью, дѣлайте выводы, боритесь, защищайте все угнетенное и забытое, а до моихъ личныхъ симпатій вамъ нѣтъ дѣла. „Но, вѣдь, это не значить, что у автора ихъ нѣтъ. Напротивъ, въ томъ, какъ Чеховъ сопоставляетъ различные явленія жизни, вы отлично видите, кому онъ сочувствуетъ и кого бичуетъ. Но онъ бичуетъ, такъ сказать, не отъ своего имени, а изображеніемъ самыхъ фактовъ, самою реальностью событій, написанныхъ сильною, могучею кистью. Это можно сравнить съ живописью. Возьмите, напр., картину Рѣпина: „Бурлаки“. *) Вѣдь, Рѣпинъ не дѣлаетъ ярлыка: „ахъ, какіе это бѣдные люди бурлаки, какъ имъ тяжело жить; облегчите ихъ страдальческое существованіе“. Но когда вы всмотритесь въ эту картину, увидите измученныя, напряженныя лица, изъ которыхъ одни съ самымъ тупымъ, покорнымъ выраженіемъ, какъ вѣчно животное, а другіе—съ страдальческимъ выраженіемъ,—вы уже сами сдѣлаете эти выводы, вы сами поймете, что однимъ реальнымъ изображеніемъ этихъ страдальцевъ Рѣпинъ показалъ, какъ сильно и горячо любитъ онъ этихъ бѣдныхъ людей. Также и Антонъ Чеховъ. Возьмите хотя бы этотъ послѣдній рассказъ, о которомъ мы сейчасъ говоримъ. На чьей же сторонѣ симпатіи автора? Конечно, на сторонѣ Липы и еще Варвары Николаевны. этихъ двухъ женщинъ, которыя своимъ добрымъ сердцемъ окрашиваютъ до нѣкоторой степени мерзость Цыбукинскаго дома. Перечитайте сцену, когда Аксинья ошпарила малютку, когда Липа возвращается ночью со своимъ умершимъ мальчикомъ, ея безыскусственный слова, которыми она передаетъ свое глубокое горе,—и вы сразу увидите, какъ горячо

*) А propos: эта картина находится въ Москвѣ, въ Третьяковской галлерей. Настоятельно рекомендую моимъ землякамъ, проезжающимъ иногда по Россіи, непременно побывать въ этой замѣчательной галлерей. А. Р.

„Енцисей“ (Красноярск). 1900. 26 марта, N-36, с 1-3.

Литературное обозрение

«...» „Жизнь“ и „Русское богатство“ — январь.

авторъ симпатизируетъ этой женщинѣ, истинной представительницѣ простого тяжелаго труда, которая любитъ свою трудовую жизнь и тяготится жить среди Цыбукинскаго дома, гдѣ ей „страшно“, гдѣ царитъ постоянный обманъ, мошенничество, обесчистываніе рабочихъ, гдѣ Аксиныя, какъ рыба въ водѣ, летаетъ съ утра до вечера по амбарахъ и кладовымъ, движимаая только алчностью, только наживой. Особенно трогательно написанъ конецъ. Аксиныя совсѣмъ забрала домъ въ свои руки и даже перестала старика кормить, такъ что онъ по нѣсколькимъ дней сидѣлъ голодомъ. Однажды Липа со своей матерью возвращалась съ работы. Увидѣвъ старика, она поклонилась ему сказала: „здравствуйте, Григорій Петровичъ!“ И мать тоже поклонилась. Старикъ остановился и, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ: губы у него дрожали и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка матери кусокъ пирога съ кашей и подала ему. Онъ взялъ и сталъ ѣсть“. Всего нѣсколько строкъ, но сколько смысла, вѣрности, реализма, какъ много навѣваетъ мыслей! И въ самомъ дѣлѣ, такова жизнь, такова ея жестокая философія. Кто обыкновенно больше всего помогаетъ, проявляетъ истинной доброты и сердечности? Вы думаете богачи? Чорта съ два: нигдѣ такого эгоизма и жадности не развивается, какъ среди богатыхъ людей, нигдѣ нѣтъ такого жестокосердія, желанія поработить другихъ и выжимать сокъ, какъ въ высокихъ хоромахъ. Если сравнить всѣ пожертвованія богачей и всякую филантропію съ тѣмъ богатствомъ, которое они захватили въ свои руки, то окажется, что это до такой степени мизерно, что не стоитъ и толковать. Бѣднякъ, по сравненію со своимъ бюджетомъ, дѣлаетъ въ тысячу разъ больше, но дѣлаетъ это скромно, безъ заносчивости и ужъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ себя „благодѣтелемъ“. Ахъ, эти благодѣтели, съ ихъ филантропіей, тысячными колоколами и пошлымъ самодовольствомъ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ есть нѣсколько интересныхъ разсказовъ, но мы ихъ оставляемъ до слѣдующаго раза.

Ө. Р.

